

пётр власов
ольга власова

пётр власов
ольга власова

МОСКОВСКАЯ СТЕНА

Москва
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43
В57

Художественное оформление
А. Дурасова

Все совпадения с реальными людьми,
событиями и обстоятельствами случайны

Власов, Пётр Васильевич.
В57 Московская стена / Пётр Власов, Ольга Власова. — Мо-
сква : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-106021-3

Что будет, если очередной глобальный кризис разрушит привычный нам мир? Перед вами один из вариантов такого будущего. Россия, США и Китай распались на части. В единой Европе к власти пришли ультраправые, которые пытаются сдержать миллионные потоки мигрантов и обеспечить поставки нефти и газа из погрузившейся в хаос России. Это новое Средневековье. Неудивительно, что Москва, ставшая базой для европейской армии, обнесена тридцатиметровой стеной, а подмосковные леса полны партизан. Главный герой, англичанин с русскими корнями, отправляется туда в командировку, но ему предстоит решить куда более сложные задачи, чем ставит перед ним начальство. Удастся ли герою понять и прочувствовать русский образ мысли и заодно разобраться, почему как карточный домик развалился прежний мир?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-04-106021-3

© Власов П., Власова О., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

«Обезьяны видели нас. Могут навести на след. Хотел заговорить с ними. Сказать, чтобы молчали. Не вышло. Забыл слова. Садовник не предупреждал об этом. Решения пока нет. Сначала надо выбраться из Сада. Теперь, из-за обезьян, мы будем хитрее. Дождемся темноты, чтобы идти к реке. До того спрячемся в лабиринте. Там можно укрыться даже от птиц».

Закрыв глаза, он пробует усилием воли отправить себя в лабиринт. Так, как мог перемещаться по Саду еще вчера. Нет, опять ничего. Нужно использовать нижние конечности. Чувствовать тупую боль в мышцах, покрываться вонючей жидкостью. Только далеко за полдень удастся забраться на вершину холма.

Прямо у него под ногами закручивается к горизонту гигантская спираль лабиринта. Он кубарем летит со склона вниз, вкатывается в темное отверстие входа, куда живые зеленые стены едва пропускают солнечные лучи. Отдышавшись, переворачивается на спину. И вдруг тихо смеется, наслаждаясь новым, еще не распробованным ощущением. Сам по себе. Словно камешек на ладони. Можно вертеть и так, и эдак. Разглядывать со всех сторон.

Опять вспомнились обезьяны. Они были первыми, с кем удалось поговорить в Саду.

- Ты похож на нас, но не обезьяна.
- Да, я следующий вид.
- На тебе совсем нет волос! Тебе не холодно?
- Нет. Я могу сам регулировать теплообмен.

— Чем ты еще отличаешься от нас?

Он приходит в себя от озноба. Солнце вот-вот зайдет. Зеленые стены лабиринта превратились в серые, на ощупь холодные и шершавые. Камень. Живое стало неживым. Разве так бывает? Он срывается с места, бежит к выходу, но теперь ход все время сужается. Стены сжимают его, крыльями заломив назад руки. Внутри появляется что-то твердое. Растет, растет — и вот уже почти нечем дышать. Тело быстро каменеет: ни шевельнуться, ни даже опустить веки. Все, что он еще помнит, это обезьяны. Они толкуются вокруг, жизнерадостно тычут в него лапами и орут:

— Если ты не обезьяна, то кто?

— Кто ты такой?

— Кто?

* * *

Журчащий, едва различимый звук настырно просачивается в уши. Заполняет голову, вымывая из нее обезьяньи крики.

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

Гигантские невидимые руки легко достают тело из каменных тисков и бросают в полумрак вытянутой, похожей на обувную коробку комнаты. Холодный желтый фонарь скудно подсвечивает ее через окно. Он просыпается — весь мокрый, запыхавшийся, словно и правда от кого-то убежал. Тяжесть в груди все еще с ним: плотная, объемная, как литой свинцовый кругляш. Но мозг уже начал сомневаться.

Там были говорящие обезьяны. Разве обезьяны могут разговаривать? Просто сон. Твои студенческие воспоминания. Вспомни — конец девяностых. Оксфорд. В парке ни души, только ты и Ева. Она смеялась: мы с тобой как первые люди в раю. Лабиринт? В лабиринте вы целовались. Был такой — совсем крохотный, почти игрушечный. Подстриженные шарами и кубиками кусты туи. Река? Колледж Леди Маргарет Холл, его владения как раз упираются в речушку Червелл.

Сеанс терапии почти завершен. Осталось немного. На самом деле вспомнить, кто же он такой.

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

В тридцать лет он уже страшно устал от самого себя. Привышая, набившая оскомину жизнь, где на ближайшие полвека не предвидится ни одного неожиданного поворота. Унылый аллюр внутри проклятого треугольника — дом, офис, паб. От этой юдоли, решил он, не спастись серьгой в ухе или татуировкой на полспины. Нужен побег. Скорость и постоянное движение. Чтобы жизнь, с которой соприкасаешься, не успевала разлагаться до состояния плохо пахнущей рутины. Так появилась адская работа в инвестбанке: девять месяцев из двенадцати в разъездах за границей. Новые города, люди, женщины, еда. Как серфингист волну, он жадно ловил этот встречный поток. Скользил по нему, не погружаясь, только пробуя на вкус. Почти разные жизни, которые как одежду каждый день примеряешь на себя. И да — эта разноцветная, шумная воронка засосала с головой. Так что однажды, проснувшись поутру, он долго не мог сообразить, в каком именно из своих миров вынырнул на поверхность. Сладкое, мало с чем сравнимое состояние. Свобода не быть и свобода стать кем угодно. Полное самообнуление — и тут же, на подносе, любое бытие на выбор. Может, он арабский шейх с гаражом, полным лакированных тачек, и гаремом, где его ждет не дождется дюжина томных красоток? Голливудский актер, под дверью которого толпятся озверевшие от восторга поклонники? Член правительства? Белокостный аристократ? Приглядевшись к бледно-зеленым обоям в комнате, уловив за окном обрывки итальянской речи, наконец, сообразил: отель, Флоренция, международный инвестиционный конгресс. В памяти всплыло имя, за ним прошлое. Но пережитый в то утро опыт оказался сродни наркотическому трипу. Позже он научился сам вызывать это состояние, испытывая приступы яркого, особенного счастья. Только вот однажды утром захотелось вспомнить себя, настоящего — и не получилось. Словно охлопываешь карманы в поисках ключей, которые должны там быть — а в ответ ничего, тишина.

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

Господи, это же его сотовый.

Мысль рывком приподнимает тело, рука наотмашь отбрасывает в сторону одеяло. Взгляд, еще без всякого смысла, скользит вдоль кровати. Рядом лежит на животе голая спящая женщина. Мэри, рассеянно вспоминает он, ее зовут Мэри. Свет уличного фонаря растекся и застыл золотистой пленкой на красивых овальных ягодицах. Они словно из металла, невероятно холодные и твердые на вид. Статуя? Неужели он спит со статуей?

— *День-ги за-даром, дев-ки-за-так...*

Раз, другой телефон ящерицей ускользает от рыскающих по ковру пальцев. Завладев им, он отвечает не сразу. Хлопая другой ладонью по столу, на ощупь выхватывает из полутьмы пластиковое удостоверение. Окунает его в поток желтого уличного света. *Джон Голдстон*. Вот кому принадлежит это тело.

— Голдстон слушает.

— Крепко спишь, дружище. Наконец-то отоварил карточки на коньяк?

Голос еврокомиссара Кнелла такой, как обычно: отточенно-ехидный, обрезать можно. Но сегодня есть что-то еще, тяжелое, даже тревожное. Со сна не разобрать. Чертыхнувшись, Голдстон вслепую приземлился на кресло, неудобно подогнув под себя ногу.

— Который час, герр комиссар?

— Без пяти пять. Я не разбудил... Мэри? Или она уже в отставке? Неделя-то хоть прошла?

Втянув носом прохладный воздух, Голдстон страдальчески вздохнул.

— В Берлине некого любить, герр комиссар, если вы опять о своем.

— Значит, у тебя одной причиной больше, чтобы уехать отсюда.

До него, наконец, дошло: Кнелл никогда не звонил раньше восьми.

— Что, конец света?

— Почти угадал.

Кнелл подержал неприятную паузу, причмокнул, будто врач перед тем, как озвучить безнадежный диагноз.

— Москва. Надо слетать туда на несколько дней... Согласен, не самый популярный курорт зимой. Вряд ли Мэри составит тебе компанию. Поищешь варианты на месте.

Голдстон вскочил с кресла и тут же припал на затекшую, ватную ногу. Вот оно, все-таки настигло. Захотелось, как в детстве, забиться с головой под одеяло. Спрятаться от всех на свете.

— Джон?

— Я могу отказаться?

— Нет.

— Если честно, забыл весь свой русский.

— Отправлю под трибунал — сразу вспомнишь. Жду тебя на Вильгельмштрассе ровно в шесть. Все... *серьезно*.

Когда Кнелл говорит *серьезно*, лучше не спорить. Иначе от вековой спячки, упаси Господи, проснется тотем его предков. Голдстон откуда-то в точности знает: это бурый, с огромной круглой головой и щелями-глазками медведь-шатун, весь покрытый колтунами грязной, спутанной шерсти. Придет, навалится горой-тушей, всадит ржавые клыки прямо в шею... Он обреченно поплелся в душ, запустил там по-издевательски теплую из-за мер по экономии тепла струйку воды. Сполоснувшись, стремительно запрыгнул в приготовленный с вечера мундир. Уже на бегу заглянул в спальню. Мэри, забытая им без одеяла, тоже проснулась. Сидела голая, обняв колени, на кровати и, как кошка, неотрывно смотрела в сторону двери. Кажется, он должен восхититься этим ухоженным, манекенистым телом.

— Срочно вызвали в министерство. Но тебе, напротив, повезло. Кровать теперь целиком твоя. И холодильник тоже. Я как раз получил паек.

Он говорит как обычно. Низким, монотонным голосом, небрежно выговаривая слова. Но ему чертовски неловко и хочется поскорее уйти. Внутри ни капли благодарности. Лишь бледные угрызения совести, что эта женщина рискует из-за него простудиться. И так всегда на следующее утро. «Женщин надо стараться

любить, даже если у тебя их будет очень много». Отец как в воду глядел. Любовь. Тепло. Где же взять столько тепла, если почти не топят?

— Тебе было хорошо вчера?

Он молча кивнул. Поцеловал мягкую, мертвецки холодную щеку. Содрогнулся внутри, припомнив металлические ягодицы. Только в машине, когда кое-как пригрелся на сиденье, мысли вернулись к ночному кошмару. Внезапно дошло:

«Стена не сожрала меня до конца. Впервые за два года сон прервался».

* * *

Самолет сел в московском аэропорту «Шереметьево», терминал А, точно по расписанию, в 9.15 утра. Недолгий перелет из Кракова показался Голдстону репетицией путешествия в ад. Их малютку «фоккер» болтало, швыряло и подкидывало, как байдарку во время сплава. Прибором, измеряющим эту чудовищную качку, был заполненный наполовину пластиковый стакан, вода в котором гуляла волнами туда-обратно. Но где-то над Минском и сам стакан сиганул в ужасе со столика, оставив на полу неопрятную мокрую кляксу. За иллюминатором сливового цвета тучи враждебно пихали крохотный самолетик пухлыми боками и зыркали на него зловещими вспышками багровых молний. Да, и посадка а-ля рус на десерт. О ее прелестях Голдстона предупредили еще перед взлетом. Любезно намекнули: лучше держать наготове гигиенический пакет. Снижение ощущалось скорее как свободное падение обессилевшего от схватки с враждебными небесами «фоккера». Тело, запаниковав, начало рваться обратно, на прежнюю высоту и заодно выворачиваться наизнанку, чтобы избавиться от лишнего балласта. Пытка, спокойно сообщил по громкой связи садист-пилот, продлится шесть-семь минут. Голдстон закрыл глаза, напряг мышцы живота и попробовал найти в происходящем нечто позитивное.

Наконец-то окажусь на исторической родине. Жаль, дед не дотянул до великого момента. Сколько ему было бы сейчас?

Шестьдесят восемь и тридцать — почти сотня. Господи, неужели и правда тридцать лет прошло? А как на прошлой неделе все было, дорогой Юрий Дмитрич. Наши «русские чаепития» по пятницам, пять-шесть больших чашек чая за вечер, с медом и жесткими как камни баранками из «русского магазина» в Лондоне, который держали какие-то литовцы. Много чаю с тех пор выпито внуком Джоном — но разве сравнится он с тем чаем из детства?

Дед Юрий Дмитрич, как торжественно, по имени-отчеству, величали его дома, был худ, жилист и носил в любую погоду прикрывавшую лысину кепку, в зависимости от времени года теплую шерстяную или легкую бейсболку. Часто не снимал ее даже дома. Повиновался в том только супруге Наталье Александровне, со вздохом открывая взору сияющую макушку и бережно вешая драгоценный головной убор на крючок у входа. Страстная любовь к чаю внешне роднила Юрия Дмитрича с британцами, но являлась при том исконно русской ее разновидностью. Ведь чай он пил не такой, как любят англичане — красноватый, терпкий, который надо непременно разбавить молоком. Нет, душистый от крепости, с пенкой при заваривании. Утверждал, что пьет не удовольствия ради, а «чтобы приманивать мысли». И правда, часто во время чаепития, сидя нога на ногу и прихлебывая из чашки, дед будто отключался от бытия вокруг, проникая взглядом в иное, невидимое пространство и даже, возможно, блуждая по нему. Сделав последний глоток, долго сидел так какое-то время, философски выкатывая шарики из хлебного мякиша. Позже шарики эти загадочным образом перебирались в карманы пиджаков и курток Юрия Дмитрича, где со временем превращались в каменную россыпь.

Но с внуком Джоном дед, как раз напротив, любил под чай поговорить. По-русски и почти всегда о России, где Юрий Дмитрич провел детство и юность. Уже гораздо позже Джон понял — рассказы там и здесь срастались с сюжетами из русской литературы, до которой дед был большой любитель несмотря на свои пять классов деревенской школы и ускоренные курсы в танковом училище. Знал он наизусть сказки и море стихов Пушкина и близко к тексту прозу, а еще всего Гоголя — кроме «Мертвых душ», ко-

торые не жаловал. Потому-то в воображении маленького Джона Россия выглядела вовсе не так, какой показывали ее по телевизору — серой, скучной и притом опасной. Да, наверное страшная, но все равно сказочная страна, где дед поздней осенью, по дороге в деревенскую школу, мог нос к носу столкнуться с настоящим волком. Населенная сильными и суровыми людьми, почти героями из древнегреческих мифов. «Мы тут с тобой по чашечке, без напряжения чаек потягиваем — а вот купцы в старой России брали на пару двадцатилитровый самовар. Вешали себе на шею полотенце, чтобы пот вытирать — и вперед», — рассказывал внуку Юрий Дмитрич. Джону не верилось, что кто-то способен вдвоем осилить двадцать литров кипятка. Дед подмигивал Джону, поучал — не разобрать в шутку или всерьез: «Мы, русские, еще и не такое можем. Да что там — все можем! У нас такой размах — широкий. Ни у кого больше в мире такого нет. Только вот на родине у себя, дураки, все страдаем и жизнь устроить для себя не можем, чтоб хорошо было». То, что Джон русский в лучшем случае наполовину, ничего не меняло: «Раз со мной интересно — значит, русский. Что-то важное у нас внутри друг к другу притягивается». То есть, интересовался внук, и я смогу когда-то полсамовара выпить? Юрий Дмитрич от души смеялся и обещал: и полсамовара будут, и много чего еще необычного...

Самолет грянуло безжалостно на воздушном ухабе. Голдстону на мгновение показалось, что его длинное, худое тело, подобно вытянутой фарфоровой вазе вот-вот разобьется вдребезги. Он опять подумал о хорошем: если садиться по-человечески, шансы развалиться на куски выше. Русские партизаны, вот странность, не отличаются гостеприимством. Встречают гостей из Европы вовсе не хлебом-солью, как предписывает местная традиция, а ракетами «земля-воздух», легко сбивающими цели на трехкилометровой высоте. Военная контрразведка исписала, наверное, не одну тонну бумаги версиями о том, откуда появились ракеты у кочующих по лесам партизан (в самом деле, не под елками же они их находят вместо грибов?). Но эта кропотливая, заслуживающая всяческого уважения работа, увы, не в состоянии предотвратить регулярные, красочные фейерверки в районе аэропорта. И хотя десятки мобильных патрулей до одурения игра-

ют с диверсантами в кошки-мышки, им нечасто удается заполучить желанный трофей — бородатого мужика, одетого в шапку-ушанку и вонючий бараний полушубок. Если верить карикатурам в «Санди таймс», типичный русский партизан выглядит именно так. Вспомнилось даже имя персонажа из комикса, популярного пару лет назад — Иван Калашников. Главным оружием злодея был вовсе не одноименный автомат, что логично предположить, а ужасный, непереносимый смрад немытого тела. С криками «Партизаны используют химическое оружие! Нечестно!» европейцы дружно разбежались по кустам.

Сейчас, когда потери на востоке растут по экспоненте, газетам не до комиксов. Тон сильно поменялся — наивное, высшей пробы изумление. Как же так — упрямо, с упорством дикарей не признавать очевидные факты! Наверное, надо подоходчивее объяснить партизанам, что России уже нет, она закончилась даже де-юре. Есть *Сибирская республика*, но это, согласитесь, совсем другое название, да и география тоже другая. Обвинять внешние силы в такой метаморфозе способен только последний идиот, а партизаны, как мы уже поняли, не идиоты. Интервенция европейских государств началась по причине гуманитарной катастрофы и, напротив, спасла сотни тысяч жизней. Никаких рациональных причин — даже одной-единственной — для продолжения войны не существует. Слышали? Не существует! Но партизаны, о ужас, почему-то все равно стреляют в нас, да еще все чаще и все точнее. Почему? Зачем? Накануне вечером, сидя в номере краковской офицерской гостиницы и перещелкивая в тоске телеканалы, Голдстон наткнулся на ток-шоу, где трое умников долго ходили вокруг да около, пытаясь объяснить — почему и зачем.

С минуту на стене-экране в полной тишине мелькали траурные кадры с сожженными на шоссе в заснеженном лесу трейлерами и военными грузовиками. Выдержав трагичную паузу, сухопарый, с залысинами ведущий вперился в миллионы зрителей немигающим взглядом и отчеканил почти на одном дыхании:

— Перед вами армейский конвой, разграбленный на днях партизанами неподалеку от Москвы. Убиты двадцать пять солдат

из отряда сопровождения. Всего же только за январь и февраль потери в зоне оккупации составили почти тысячу человек. Да, тысячу! Это жестокая и кровопролитная война. И, по мнению многих, мы ведем ее непонятно с кем и непонятно за что.

Студия совсем растворилась в темноте, и Голдстону долго показывали в разных ракурсах лишь мертвый, обездвиженный конвой. Россыпи гильз под ногами. Вмерзшее в снег неряшливое лиловое пятно, похоже кровь. На кузове грузовика мелькнула сделанная белой краской из баллончика по-русски надпись: «Смерть фашистам». Насладившись картинами разрушения, камера вернулась к хозяину студии.

— Есть два важных вопроса, которые приходят в голову каждый раз, когда мы слышим о новых жертвах этой войны. Первый — кто эти люди и почему они сражаются с нами? Второй — понимаем ли мы, какая судьба ожидает в перспективе огромную территорию от прежней российской границы до Уральских гор? Это я и хотел бы обсудить сегодня в нашем ток-шоу.

Трое гостей-экспертов за столом — имен Голдстон не запомнил, только национальности, немец, британец и поляк — тут же начали ожесточенно переглядываться друг с другом, совсем как школьники на уроке, когда учитель просит кого-то выйти к доске. Первым сдался немец.

— Да, несомненно, это весьма важные вопросы! И они означают начало нового этапа нашей гуманитарной миссии на Востоке. Три года назад мы столкнулись с экстремальной ситуацией: надо было предоставить защиту от бандитов гражданскому населению, а также обеспечить стабильность газовых поставок. Теперь, когда данные цели достигнуты, логично задуматься о следующих шагах.

Ведущий театрально отмахнулся от реплики — ему, похоже, нужна была драма.

— Общими словами не оправдать ежедневные потери в десятки человек... Не забывайте — нашу передачу смотрят близкие погибших солдат! Они хотят знать правду! Дайте им больше фактов! Кто те люди, что до сих пор воюют против нас? Сколько их? Чего они хотят? Почему не признают соглашений, подписанных Сибирской республикой? Кто мне ответит?

Больше всего фактов, похоже, знал англичанин. То, о чем он рассказывал, Голдстон, конечно же, слышал и читал прежде. Однако все вместе это звучало занимательно, особенно накануне полета в Москву.

— Второй восточной армии противостоят в районе бывшей московской агломерации не менее пятидесяти тысяч партизан. Цифра кажется внушительной, однако, как правило, речь идет о небольших подразделениях численностью до ста человек, вооруженных только стрелковым оружием. Вопреки упорным слухам о «сибирских спецназовцах», в этих отрядах состоят в основном местные жители, которые не смогли эвакуироваться.

Ведущий издевательски улыбнулся.

— Хотите сказать, на этот конвой напали бабушки? Откуда местные берут оружие?

— Вокруг Москвы еще с советских времен располагалось несметное число военных частей и складов с оружием. Многие были разграблены.

— То есть Сибирская республика не помогает партизанам?

— Не думаю, что им оказывается масштабная централизованная помощь. Наша разведка наверняка быстро раскрыла бы такие схемы. Скорее речь об отдельных добровольцах или частных организациях, которые собирают пожертвования и покупают амуницию для партизан. Но, как вы знаете, они работают нелегально и сибирское правительство всячески им противодействует.

— Итак, ваш вывод?

— Когда говорят «пятьдесят тысяч партизан», то эта цифра, бесспорно, впечатляет. Но давайте вспомним о другом явлении — небывалом расцвете бандитизма на территории бывшей России. Тысячи банд, в которых может состоять до миллиона человек. Миллиона! Партизаны, по большому счету, одна из разновидностей бандитских отрядов, которые живут налетами и грабежами. Отличие лишь в том, что для привлечения новых сторонников они используют патриотическую риторику. Уверяю вас, не надо приписывать им никаких сверхзадач...

Тут в разговор ворвался поляк — до того в знак несогласия он долго и упорно тряс седой шевелюрой до плеч: